

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. Г. Заббаров

Модели взаимодействия
региональных органов власти
и сетевых структур третьего
сектора

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zabbarov_RAPN.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

**Пятый Всероссийский конгресс политологов
Москва, 20-22 ноября 2009 г.**

**МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ И СЕТЕВЫХ СТРУКТУР
ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА**

Артур Газинурович ЗАББАРОВ

аспирант,
кафедра политических наук,
факультет политико-правового управления,
Поволжская академия государственной службы имени П.А. Столыпина,
Саратов

Доклад представлен на Пятый Всероссийский конгресс политологов.

Сессия:

С6 «Государство, бизнес, общество: проблемы оптимизации взаимодействия».

21 ноября 2009 г.

Приобщение российского общества к демократическим ценностям способствовало развитию индивидуальной и коллективной активности, выражающейся в готовности участвовать в решении социально-значимых проблем. Одним из индикаторов этого процесса в России является создание многочисленных общественных объединений, призванных аккумулировать и выражать общественные интересы, презентовать их в публичном пространстве и организовывать защиту и реализацию этих интересов.

Интенсивный обмен информацией о различных проблемах и подходах к их решению способствовал формированию у представителей общественных объединений общего видения ситуации и, как следствие, побуждал их к объединению усилий через реализацию совместных акций и проектов. Это стало одной из причин создания сетевых структур общественных объединений.

С другой стороны, процесс создания сетей общественных объединений носит объективный характер и является общей тенденцией внедрения сетевых практик в различные сферы¹. В его основе лежат новые коммуникационные технологии², появившиеся благодаря распространению новых средств связи и возможности передачи в режиме он-лайн больших объемов информации. Внедрение сетевых практик в управление было вызвано ограниченной эффективностью традиционных вертикально интегрированных управленческих систем по реализации поставленных целей и невозможностью учета интересов многих акторов процесса. Применение сетевых принципов в деятельности общественных объединений во многом обуславливается их внутренним динамизмом, готовностью к апробации новых организационных и управленческих схем для достижения стоящих целей.

Процесс создания сетей, а также выработки общих принципов функционирования имеет двойственную природу. Он наполняется действиями, как самих общественных объединений, так и разнообразных (отечественных и зарубежных) политических акторов, выступающих создателями сетей и обеспечивающих их необходимыми ресурсами. Сетям удается преодолевать территориальные ограничения и, как следствие, нивелировать возможность воздействия на них иерархически организованных органов власти. В этой связи они могут и выступают как явления экстерриториальные.

Развитие субъектности, распространение сетевых практик в разных странах мира привело к тому, что в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы, стал оформляться новый тип управления, общая характеристика которого нашла выражение в формуле «управление без правительства» (governing without

¹ См.: Кастельс М., Киселева Э. Россия и Сетевое общество: Доклад на конференции «Россия в конце XX века», Стэнфорд, США, 05-07.11.1998 // <http://www.socio.ru/wr/00-1/Castells.htm>

² Например, мировая информационная сеть World Wide Web (Интернет), спутниковое телевидение и т.д.

government) или «руководство без правительства» (governance without government). Этот принцип побуждает пересмотреть взаимоотношения участников общественно-политического процесса в различных сферах: от внутри- до внешнеполитического, - так как при использовании механизмов сетевой организации возникает возможность инкорпорирования различных социально-политических групп, коммерческих учреждений, отдельных индивидов в новую глобальную систему мироустройства.

Опыт рефлексии сетевого взаимодействия позволяет говорить о том, что, несмотря на стремительное внедрение сетевых практик, сами сети в России локализованы несколькими областями и, прежде всего, сферой общественных объединений. Но это явление временное. В течение ближайшего десятилетия высока вероятность появления межсекторных сетей, которые во многом будут учитывать наработанный опыт общественных объединений.

Сетевые практики в третьем секторе являются для нашей страны явлением действительно новым и необычайно значимым. При этом уникальность этого явления состоит как в механизмах его функционирования, так и в способах создания и воздействия на участников сетей. Без преувеличения можно сказать, что сегодня в России существует множество сетей общественных организаций, каждая из которых обладает уникальными характеристиками. Недооценка значимости сетей как фактора воздействия на политический процесс приводит к ограничению возможностей по анализу и прогнозированию развития ситуации и, как следствие, управляемости политическим процессом.

Следует признать, что пока деятельность российских сетей общественных объединений носит ограниченно публичный характер. Такой вывод позволяет сделать контент-анализ СМИ, проведенный в рамках проекта «Трансформация механизмов взаимодействия власти и общества в России. Влияние сетевых структур третьего сектора на характер политического процесса» на территории Саратовской, Самарской и Ульяновской областей³.

В ходе реализации проекта членами исследовательского коллектива проведен контент-анализ региональной прессы и региональных Интернет-ресурсов за 2006-2008 гг. Всего было обработано 24 печатных СМИ (по 8 СМИ в каждом из регионов изучения) и 12 общественно-политических Интернет-ресурсов (по 4 Интернет – ресурса в каждом из регионов изучения). Обработка материалов позволила авторам систематизировать и разделить их на 6 групп: материалы о лоббистской деятельности общественных

³ Проект осуществлялся при финансовой поддержке РГНФ / Грант Российского гуманитарного научного фонда № 07-03-00122а.

объединений; статьи, освещающие мероприятия, проводимые отдельными общественными объединениями; материалы, посвященные общим проблемам развития гражданского общества; скандалы, связанные с деятельностью общественных объединений; экономическая деятельность общественных объединений; материалы, посвященные коллективным мероприятиям общественных объединений.

Результаты анализа позволили говорить о некоторых тенденциях. В частности, контент-анализ прессы и Интернет-ресурсов позволил исследователям сделать вывод о крайне низкой степени публичности деятельности сетей, что, очевидно, обусловлено рядом причин. Во-первых, латентным характером деятельности существующих сетей и целенаправленной практикой ограничения информации об их существовании. Это позволяет, по мнению руководителей объединений, избежать ненужных конфликтов, прежде всего, с правоохранительными органами. Во-вторых, не все общественные объединения (члены этих объединений) осознают свое причастие к той или иной сети в силу отсутствия необходимых знаний.

Наблюдается также тенденция появления крупных региональных информационно-ресурсных центров (фондов), выступающих в роли старших товарищей для общественных объединений. Однако если в Ульяновской области вокруг таких центров действительно сосредотачиваются общественные объединения, интегрирующиеся в дальнейшем в сети, то в Самарской и Саратовской областях основными центрами притяжения выступают органы власти различного уровня (от МСУ до региональной администрации).

В ходе исследования удалось выявить крайне слабое представление руководителей общественных объединений о природе и формах сетевого взаимодействия. В рамках вышеуказанного проекта была проведена серия глубинных интервью с руководителями общественных объединений. Было проинтервьюировано 60 человек (20 в каждом исследуемом регионе). Среди прочего исследователи просили назвать структуры, которые, по мнению экспертов, являются сетевыми. В итоге получился список из 71 пункта.

Предварительный анализ названных экспертами структур позволил сделать выводы, что 16 из них (22,5 % от общего количества) представляют собой строго иерархические структуры, имеющие свои представительства на местах или без таковых.

Остальные 55 (77,5 %) условно были разделены на две группы: латентные сети и выраженные. По результатам анализа выяснилось, что по 14,1 % названных структур информация отсутствует, что позволяет говорить об их латентном характере. Это может быть обусловлено несколькими причинами:

- названные структуры не являются сетевыми, а скорее представляют собой некие переговорные площадки организаций, не всегда имеющих общие цели;

- участники сети намеренно не афишируют ее существование, дабы не привлекать к себе внимание.

Изучив более подробно оставшиеся 45 названные экспертами структуры, исследователи пришли к выводу, что 27 из них (38,0 % от общего числа), сетями не являются. Они представляют собой различного рода ассоциации и союзы, имеющие иерархию руководящих органов, решения которых носят общеобязательный характер для всех участников. При этом решения принимаются не на основе консенсуса, что является обязательным условием существования сети, а простым большинством голосов участников. Мнение остальных участников не учитывается.

К собственно сетевым же можно отнести всего 18 структур, что составляет 25,4 % от изначально названных экспертами образований. Таким образом, лишь четверть названных структур являются действительно сетевыми. Очевидно, это связано с тем, что в настоящее время продолжается процесс создания сетевых структур, и он не имеет достаточной практики рефлексии даже самими участниками.

В рамках проекта также было проведено 15 глубинных интервью с представителями властных структур, обеспечивающими взаимодействие органов власти с общественными объединениями (5 представителей органов власти в каждом изучаемом регионе). В ходе интервью экспертам задавались открытые вопросы, посвященные их деятельности, взаимодействию с общественными объединениями, о сетевых структурах некоммерческого сектора, о способах мониторинга экспертами и их организациями сетевых структур и анализа их деятельности в регионе. Результаты интервью показывают, что лишь 27% опрошенных имеют четкое представление о том, что такое сетевые структуры общественных объединений, каковы основные принципы создания и деятельности сетей. Абсолютно все из этих 27% экспертов в качестве необходимого условия создания и функционирования сетей назвали наличие мозгового центра и обмен информацией. Интересным представляется тот факт, что 50% из обладающих информацией о сетях экспертов сами являются членами некоммерческих организаций (в т.ч., вовлеченных в сети), а 50% - совмещают государственную гражданскую службу с научной деятельностью и преподаванием гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях.

Анализ практики взаимодействия органов власти и общественных объединений позволил выявить три модели такой интеракции:

1. патерналистская (доминантная) – при которой органы власти стремятся оказать давление на существующие сети общественных объединений, **встроить** их в собственную иерархическую систему, отводя им роль подчиненной структуры. При этом диалог сводится к диктату со стороны властных структур собственных условий сетям с минимальным учетом мнения последних. Однако сети являют собой противоположность иерархии, что определяет крайнюю неэффективность этой модели;

2. партнерская – заключается в попытках властных органов **встроиться** в действующие сети общественных объединений, выступить в качестве одного из сетевых узлов. «Властный узел», как правило, пытается играть ключевую роль в сетевом взаимодействии, определяя характер функционирования всего сетевого образования. Несмотря на *большую*, по сравнению с предыдущим подходом, вариативность складывающихся отношений, данный подход все же малоперспективен и малоэффективен, поскольку сеть не воспринимает моноцентризм и отторгает их. В результате сеть переходит в латентное состояние, нарушается коммуникация между сетями общественных объединений и органами власти;

3. институционально-коммуникационная – предполагает разработку практик, преследующих цель опосредованного взаимодействия или воздействия органов власти на сетевые образования. Органы власти, таким образом, выступают инициатором и архитектором сетей. Реализация данной модели возможна в двух вариантах. В рамках первого – осуществляется объединение разрозненных общественных объединений вокруг влиятельной общественной организации, аффилированной органами власти. Она выступает в роли оператора сети. Другими словами, интеракция осуществляется опосредованно, через медиатора - оператора сети. Эффективность данного подхода зависит от авторитетности и влиятельности организации-посредника, а также от неразглашения информации о связи этой организации с органами власти. В рамках второго варианта предполагается использование органами власти потенциала сетевых структур некоммерческого сектора в решении общественно-значимых проблем через установление повестки дня общественных объединений. Суть данного подхода заключается в создании сетей общественных объединений путем формирования единого информационно-коммуникационного пространства общественников и введении в их повестку дня тех или иных проблем. Чем большее число информационных каналов при этом задействовано, тем результативнее будет данный подход. Именно формулирование общей цели и формирование единого интереса у участников позволяет нам говорить о сетевых политических механизмах, как таковых.

В недолгой российской практике взаимодействия органов власти и сетевых структур третьего сектора (с начала 1990-х по настоящее время) присутствовали элементы всех трех моделей взаимоотношений. Однако необходимо оговориться, что один вариант не сменяет полностью другой, речь идет о доминировании того или иного механизма интеракции на определенном этапе. Несмотря на размытость границ между этапами, можно уверенно говорить, что 2001 г. является переломным в системе отношений «власть-третий сектор». 21-22 ноября 2001 г. был проведен I Всероссийский Гражданский форум, в котором приняли участие более пяти тысяч общественных активистов. Данное мероприятие стало действительно историческим для развития третьего сектора в России, поскольку ознаменовало новое понимание властными структурами (Форум был инициирован Президентом РФ) характера взаимодействия с общественными объединениями. Последовавшее за этим создание Общественной палаты Российской Федерации позволяет говорить о выработке органами власти некой стратегии выстраивания своих отношений с общественниками.

Идея создания Общественной палаты не нова – в феврале 1994 г. была образована Общественная палата при Президенте РФ. Однако через полгода она фактически прекратила свою деятельность (формально это произошло позже). Общественная палата, сформированная в соответствии с Федеральным законом от 04.04.2005 N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»⁴, является не переизданием ранее существовавшей структуры, а принципиально новым явлением в системе социально-политических отношений. Таким образом, можно говорить о сложившемся у представителей федеральной власти видении развития взаимоотношений с третьим сектором, исключающим реализацию патерналистских принципов, что, к сожалению нельзя констатировать в отношении региональных властей.

Для более четкого понимания предмета обсуждения, имеет смысл рассмотреть опыт выстраивания взаимоотношений органами власти с представителями общественных объединений одного из регионов изучения - Саратовской области. Необходимо ответить на вопрос: насколько сложившиеся формы взаимодействия общественных объединений и органов власти в регионе соответствуют взаимным интересам. Ответ на него позволит дать некоторые оценки и понять тенденции развития данной интеракции. Ограничение хронологических рамок исследования последними тремя годами позволит осуществить комплексный срез сложившейся ситуации. Остановимся на трех наиболее значимых формах взаимодействия.

⁴ Федеральный закон от 04.04.2005 N 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 11.04.2005, N 15. - ст. 1277

Одной из них является областной конкурс социальных и культурных проектов, который ежегодно проводится Фондом «Саратовская губерния». Цель конкурса - определение и поддержка лучших инициатив некоммерческих организаций, направленных на решение общественно значимых проблем Саратовской области⁵. В ходе конкурса определяются лучшие проекты, на реализацию которых выделяются значительные финансовые средства (до 75% от суммы проекта). Грантовый фонд формируется социально ответственным бизнесом региона, а также за счет средств областного бюджета (см. табл. 1).

Таблица 1. Сводные результаты областного конкурса социальных и культурных проектов в 2003-2007 гг.⁶

№ конкурса	Год проведения	Организаций-победителей, в том числе:		Объемы финансирования победивших проектов всего/в рамках ОЦП «Развитие институтов гражданского общества на 2006-2007»
		гос. и муницип. организации	НКО	
1	2003	15	12	600 / -
2	2004	14	16	1 870 / -
3	2005	38	16	3 500 / -
4	2006	32	28	4 140 / 3 000
5	2007	27	20	3 400 / 2 535
6		15	8	1 045 / 885

В соответствии с областной целевой программой «Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области на 2008 - 2009 годы»⁷, на проведение ежегодных конкурсов из средств областного бюджета запланировано выделение в 2008-2009 гг. по 4 миллиона рублей ежегодно. Это весьма значительные суммы для областного бюджета, особенно, если учесть, что в 2003 году, когда состоялся первый конкурс, весь грантовый фонд составил всего 600 тысяч рублей, который был распределен между 27

⁵ Документом, регулирующим проведение конкурса, является Положение, которое ежегодно принимается Правлением Фонда «Саратовская губерния».

⁶ Составлено по данным сайта Фонда «Саратовская губерния»// <http://www.sgcf.ru/>

⁷ Закон Саратовской области «Об областной целевой программой «Развитие институтов гражданского общества в Саратовской области на 2008 - 2009 годы» N 165-ЗСО

победителями. Проведение конкурса в течение 5 лет позволяет говорить об устойчивости данной практики. Однако возникают вопросы: насколько она эффективна, и какие цели преследуют власти, участвующие в нем, прежде всего, в сфере общественных объединений, а именно они, в соответствии с положением, и являются основными получателями бюджетных средств. Ежегодно организаторы конкурса⁸ определяют проектные линии, однако их содержание настолько объемно, что нет оснований говорить о концентрации ресурсов в рамках какого-нибудь одного направления, а тем более рассматривать практику проведения конкурсов как механизм сетевого взаимодействия или создания сетевых образований. Так, в соответствии с Положением о седьмом конкурсе, определены следующие проектные линии: «образование», «здравоохранение», «социальное развитие», «культура», «физическая культура и спорт», «гражданское общество». Название линий скорее не ограничивает сферу общественных инициатив, а наоборот расширяет. В Положении не определяется в качестве одного из условий получения финансирования проведение совместной межорганизационной деятельности. В результате, как показывает опыт конкурсов, проекты, победившие в рамках одной проектной линии, разнонаправлены, имеют различные задачи и целевую аудиторию.

Таким образом, можно заявлять о том, что проведение областного конкурса социальных и культурных проектов может выступать уникальным механизмом взаимодействия органов власти с общественными объединениями, реализация которого позволяет органам власти выполнять задачу создания сетевых образований общественных объединений. Однако данная задача не осознается и, как следствие, не реализуется. Средства грантового фонда, значительная часть которых являются бюджетными, направляются на поддержку отдельных инициатив, что позволяет реализовать традиционную модель субъектно-объектного взаимодействия, однако ограничивает влияние органов власти на объединение сроком реализации проекта.

В условиях отсутствия сетевого взаимодействия властные структуры не могут выступать даже одним из «узлов» сети, по причине её отсутствия. При такой модели консолидация ресурсов носит весьма ограниченный характер, а предмет взаимодействия – ситуативен. Подчас общественные объединения берутся за реализацию инициатив в чуждой для них сфере, однако, финансируемой грантодателем. Все это позволяет говорить о крайне фрагментарном использовании потенциала такой формы взаимодействия как конкурс социальных и культурных проектов.

Особый интерес представляет и другая сложившаяся форма взаимодействия

⁸ Правление Фонда «Саратовская губерния» под председательством заместителя Председателя Правительства Саратовской области Наталии Старшовой

органов власти и общественных объединений - создание различных структур консультативного характера при органах власти. Её потенциал весьма масштабен, так как, с одной стороны, участие в таких структурах привлекательно для общественных объединений, поскольку позволяет лоббировать собственные интересы и интересы коллег; с другой - у органов власти появляется уникальная возможность конструировать сетевое взаимодействие или выполнять функции одного из узлов.

Ответить на вопрос о степени использования данного потенциала позволит анализ документов, регламентирующих деятельность таких органов, к примеру, Экспертного Совета по проведению общественной экспертизы нормативно-правовых актов при Правительстве Саратовской области. Он был создан в 2007 году постановлением Правительства Саратовской области⁹. Утвержденное положение о деятельности Экспертного совета не определяет перечень документов, обязательных для экспертизы общественниками и, как следствие, не «вписывает» представителей общественных объединений в механизмы разработки и согласования документов. В соответствии со статьей 31 положения об Экспертном Совете, председатель Президиума Совета вправе запрашивать у Саратовской областной Думы, Правительства Саратовской области, органов местного самоуправления программы (планы) подготовки проектов нормативно-правовых актов и на их основе определять перечень интересующих общественников документы. Такое подчиненное положение Совета изначально ограничивает его роль, делая его второстепенным институтом, а сама процедура экспертизы превращается в необязательный элемент. Результаты экспертизы, в соответствии со ст. 50, носят рекомендательный характер со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно нормы, закрепленные в правительственном постановлении, превратили Экспертный Совет во многом в формальную структуру.

Говорить в этих условиях о выстраивании партнерских отношений также не приходится. Эксперты в данном случае выступают лишь орудием легитимации чиновничьих решений, а отнюдь не равноправным партнером процесса принятия решений. Формальность деятельности Совета не позволила ему стать органом организации сетевого взаимодействия, что в современных условиях ограничивает возможности органов власти по эффективному взаимодействию со структурами третьего сектора.

Значительно больший потенциал заложен в Общественной палате Саратовской

⁹ Постановление Правительства Саратовской области «О создании Экспертного Совета по проведению общественной экспертизы нормативно-правовых актов при Правительстве Саратовской области» от 19 февраля 2007 года № 48-П

области, созданной в 2008 году¹⁰. В соответствии со ст. 2 Закона «Об Общественной палате Саратовской области», она призвана «...обеспечить согласование общественно значимых интересов граждан Российской Федерации, проживающих на территории области, общественных объединений, иных некоммерческих организаций, органов государственной власти области и органов местного самоуправления...»¹¹. Конечно, формулировка «согласование общественно значимых интересов» весьма расплывчата, но такая постановка вопроса позволяет говорить о провозглашении в качестве цели создания некоего общего коммуникационного пространства, что согласуется с логикой сетевого взаимодействия. Следует, однако, различать процесс согласования интересов и совместного действия. Эти понятия отражают разные в значительной степени явления. Это не исключает признание потенциала для развития данной формы по формуле: «от согласования интереса к взаимодействию». Вопрос лишь в том, насколько данная формула может быть реализована, и в какой степени принцип сетевого взаимодействия будет детерминировать практику деятельности данного органа. Определенный законом функционал Палаты позволяет строить положительные прогнозы. В соответствии с законом, задачами палаты являются:

1. привлечение граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций к формированию и реализации государственной политики;
2. выдвижение и поддержка гражданских инициатив, направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации и общественных объединений;
3. проведение общественной экспертизы проектов законов области, проектов нормативных правовых актов органов государственной власти области, проектов федеральных законов и проектов нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти;
4. осуществление общественного контроля за деятельностью органов исполнительной власти области и органов местного самоуправления;
5. выработка рекомендаций органам государственной власти области при определении приоритетов в сфере государственной поддержки общественных объединений, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в области;
6. содействие развитию институтов гражданского общества в области;

¹⁰ Закон Саратовской области «Об общественной палате Саратовской области» № 243-ЗСО

¹¹ Там же, ст.2

7. взаимодействие с Общественной палатой Российской Федерации.

Такое понимание роли Общественной палаты свидетельствует о потенциале данного органа. Однако сегодняшний состав палаты и процесс её формирования позволяют говорить о том, что властью этот орган рассматривается скорее как некий конкурент, а не союзник, либо как инструмент ведения политической борьбы..

Опрос экспертов показал, что на региональном уровне отсутствует системный мониторинг деятельности сетей общественных объединений, а анализ складывающейся ситуации носит фрагментарный характер. В результате у представителей органов власти сложилось весьма аморфное представление о деятельности сетей общественных объединений в их регионах.

Анализируя взаимоотношения региональных органов власти и общественных объединений, особенно сетевых, считаем уместным говорить об упущенных возможностях. Властные структуры до сих пор стремятся превратить общественные институты в некий объект своей воли, что соответствует политическим механизмам, определяемым ранее как властвование или управление¹². Применяемые сегодня технологии взаимодействия давно устарели. Причина складывающейся ситуации – в различиях природы взаимодействующих элементов.

Сетевые структуры, базирующиеся на субъектно-субъектных отношениях, не воспринимают иерархию и моноцентризм, присущий органам власти и отторгают их, а властные органы пока не готовы отразить происходящие изменения, пересмотреть принципы собственной организации и механизмы взаимодействия с различными институтами гражданского общества. Это приводит к усилению разрыва между институтами различных секторов. Попытки властных структур стать руководящим центром и/или, по меньшей мере, частью существующих сетей изначально являются тщетными. Властным структурам не нужно пытаться стать полноправным участником сетей общественных объединений, но необходимо создавать сетевые структуры в третьем секторе, выступая их архитектором. Использование директивных методов при этом неприемлемо, нужны более мягкие, партисипативные технологии с использованием посредников. Другими словами, перспективным является выстраивание отношений согласно институционально-коммуникационной модели.

В научной литературе высказывается мнение о направлении развития отношений между иерархическими бюрократическими и сетевыми структурами. Разумеется, бюрократические организации так быстро и легко не исчезают. Скорее всего, в ближайшем будущем будут сосуществовать традиционные бюрократические

¹² См.: Фомин О.Н. Политические механизмы в зонах социальной конвергенции. Саратов, 2002.

иерархические и возникающие сетевые структуры. Рост и профессионализация информационно-коммуникативных технологий будут способствовать большей открытости и подвижности новых структур. «Очевидно и то, что традиционная иерархическая логика будет подчинена в скором будущем горизонтальной коммуникации, которая способствует улучшению перспективных стратегий сотрудничества между организациями и находится в непосредственной связи с рынком, достигая тем самым лучшей коммуникации и большей децентрализации в решениях и способствуя в итоге преобразованию больших структур»¹³.

Подводя итоги рассмотрению развития и функционирования сетевых структур в российской провинции, необходимо отметить следующее. Во-первых, данное явление стало реальностью не только развитых европейских стран или столичных мегаполисов России. Те или иные разновидности сетей существуют и в российских регионах. Во-вторых, необходимо признать, что представителями и третьего сектора, и органов власти признается значение сетевых структур (особенно в сфере общественных объединений) для развития самодеятельности населения и более продуктивного взаимодействия власти и народа. В-третьих, необходима дальнейшая работа и лидеров общественных объединений, и представителей органов власти для актуализации и развития деятельности организаций третьего сектора в интересах самого населения территорий. В-четвертых, нельзя не согласиться с выводом о том, что «происходящие трансформации изменяют облик бюрократического государства в направлении, которое сегодня называют «сетевое правительство» или e-government. Повсеместно происходит модернизация (или реформа) политической власти и ее институционального аппарата, функционирование политических сетей становится все более актуальной и насущной потребностью общества»¹⁴. В-пятых, изучение сетевых структур представляется реальным познанием складывающихся новых политических механизмов взаимодействия индивидов и территорий, власти и народа, мира и России. Познание этих механизмов позволит понять и повлиять на оптимизацию политических процессов в России.

¹³ Мальковская И.А. Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8, С. 38.

¹⁴ Мальковская И.А. Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2006, № 8, С. 38.